

ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА ТОМСКА В НАЧАЛЕ XX в.: CONTRA РЕВОЛЮЦИЯ (ИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И.А. МАЛИНОВСКОГО И И.В. МИХАЙЛОВСКОГО)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Анализируются теоретические представления профессоров-правоведов Томского университета о революции и альтернативных сценариях исторического развития. Сформулировано предположение о том, что отрицательное отношение к социальной революции являлось одним из маркеров коллективной идентичности юридической интеллектуальной элиты в России начала XX в. Наличие у интеллектуалов возможности оказывать влияние на умонастроения определенной части населения через публикации в периодической печати и публичные выступления позволило сделать вывод о значимости их интерпретационных версий революции как одного из компонентов общественного сознания в переломную эпоху.

Ключевые слова: интеллектуальная элита; правоведы; коллективная идентичность; революция; реформы; общественное сознание.

Несмотря на поистине необозримый массив исследований по истории революции в России начала XX в., интерес научного сообщества к ней не ослабевает. Продолжается поступательный процесс приращения знаний, обогащается палитра методологических подходов, обновляется и совершенствуется исследовательский инструментарий, расширяется проблематика. Одним из перспективных направлений, способствующих осмыслению и пониманию социокультурных трансформаций в эпоху революционных потрясений, является историко-антропологический подход. Его применение открывает дополнительные возможности для реконструкции не только разнообразных поведенческих практик, но и образа мыслей, чувствований конкретных людей и локальных социальных общностей.

Результатом исследований нескольких поколений отечественных историков стало формирование довольно четких представлений о доминировавших в революционную эпоху настроениях больших групп населения, выделяемых по социальному, этническому, идеологическому основаниям. При характеристике восприятия революции обществом специалисты в большинстве случаев оперировали понятиями «массовое», «коллективное», «общественное» сознание. Не ставя под сомнение важность и значимость такого рода исследований, следует признать, что многогранность общественного сознания, его сложносоставной характер предполагают изучение идей, взглядов, чувств, эмоций и настроений, порожденных революционными событиями, не только в укрупненном формате, но и на уровне малых групп и отдельных их представителей.

К такого рода малым группам можно отнести юридическую интеллектуальную элиту, которая к началу XX в. оформилась как сообщество, обладающее признаками коллективной идентичности. Основным идентификатором интеллектуальной элиты принято считать способность к сложной умственной деятельности, продуктом которой являются научные результаты и знания [1]. Принадлежность к этому сообществу выражается в познавательной, моральной, эмоциональной связи индивида с ним, а потому явля-

ется значимой даже для интеллектуалов-«одиночек». Формой репрезентации коллективной идентичности в этом случае становятся, главным образом, исследовательские нарративы, в которых находят отражение не только научные взгляды их авторов, но и определенные ценностные, морально-нравственные установки, мировоззрение, модели поведения.

События первой российской революции, как известно, дали повод для размышлений и критической рефлексии многим отечественным интеллектуалам. При этом понимание высокой степени вероятности повторной реализации аналогичного сценария заставляло задуматься над поиском превентивных мер. Особый интерес данная проблема представляла для отечественных правоведов, специфика профессиональной деятельности которых накладывала определенный отпечаток как на интерпретацию имевших место революционных потрясений, так и на разработку альтернативных моделей общественного развития. Результаты их интеллектуального труда, воплощаясь в научных монографиях и статьях, в том числе публиковавшихся в периодических изданиях, формировали правовой дискурс, оказывавший влияние на умонастроения образованной общественности и, в частности, на её отношение к революции. Однако если творческое наследие российских теоретиков права, проживавших и работавших в Москве и Петербурге, стало объектом многочисленных и весьма основательных исследований специалистов различных отраслей гуманитарного знания, то «провинциальным» представителям этой социально-профессиональной группы уделялось несопоставимо меньшее внимание.

Между тем на периферии Российской империи в начале XX в. также трудились специалисты высокого класса, внесшие существенный вклад в развитие науки. К их числу с полным основанием можно отнести профессоров Томского университета Иоанникия Алексеевича Малиновского и Иосифа Викентьевича Михайловского. Некоторые аспекты их научной деятельности получили освещение в трудах правоведов и историков [2–4]. Однако возможности, которые открывает сопоставительный анализ концепций томских правоведов (и, в частности, их теоретических пред-

ставлений о революционном процессе и возможных альтернативах общественного развития), до сих пор не привлекали внимание исследователей. Это обстоятельство послужило одним из факторов, определивших замысел данной статьи.

Жизненные обстоятельства И.А. Малиновского и И.В. Михайловского были отмечены определенным сходством. Они принадлежали к одному поколению будучи практически ровесниками (И.В. Михайловский родился в 1867 г., И.А. Малиновский – годом позднее). Оба окончили юридический факультет Киевского университета, прослушав при этом и курс лекций на историко-филологическом факультете (последнее обстоятельство, по-видимому, повлияло на стилистику их научных и научно-публицистических работ, для которых были характерны экскурсы в историю и использование экспрессивно окрашенной литературно-художественной лексики). К научно-педагогической деятельности в Томском университете И.А. Малиновский приступил в 1898 г., И.В. Михайловский – в 1904 г. Оба преподавали также на Высших историко-философских курсах, принимали активное участие в работе юридического общества. Именно в Томске произошло их становление как ученых, теоретиков: здесь были подготовлены к защите диссертационные исследования, написаны основные научные и научно-публицистические труды [5. С. 161–167]. Здесь же окончательно оформились их представления о смысле интеллектуальной деятельности и нравственном долге ученого, в понимании которого профессора проявили полное единодушие.

В 1908 г. И.В. Михайловский во вступительной лекции обратился к студентам юридического факультета со следующими словами: «Кто желает изучать науку права, должен совершенно отрешиться от каких бы то ни было политических симпатий и антипатий. Политические страсти способны только извратить науку и создавать те пародии на неё, которые мы видим в огромной массе партийных статей и брошюр... Перед... будущими служителями права должна быть только одна политика: стремление к правде-истине и правде-справедливости» [6. С. 12].

Весьма близкое по смыслу заявление сделал в июне 1910 г. И.А. Малиновский, адресовав его администрации университета и учебного округа: «Цель той науки, представителем которой являюсь я в Томском университете, – истории русского права – заключается не в порицании или восхвалении тех или иных политических и социальных порядков в целях пропаганды тех или иных политических воззрений. Её цель единственная, (как и цель других наук), – открытие истины. Только эту конечную цель я полагаю в основу своих работ, как ученый преподаватель, и в основу своих лекций, как университетский преподаватель» [7. С. 14].

Наличие определенного сходства в судьбах этих людей, естественно, не могло нивелировать их ярко выраженную индивидуальность, проявляющуюся как в особенностях мировосприятия, так и в определенных моделях поведения. В контексте рассматриваемой проблематики значимыми представляются различия в отношении к политической деятельности. И.В. Михайловский на протяжении всей жизни созна-

тельно и подчеркнуто дистанцировался от политики, заявляя: «Я чистый ученый, а не администратор и не практический политик» [8. 23 апр.]. И.А. Малиновский же принимал весьма активное участие в политических процессах (в частности: являлся членом томского губернского комитета партии народной свободы, делегатом местной организации на совещаниях ЦК кадетской партии и кадетской фракции Государственной думы, избирался в выборщики депутатов Государственной думы от Томской губернии по списку кадетов) и именно по этой причине в конечном счете был уволен осенью 1911 г. из Томского университета и вынужден покинуть Сибирь [9, 10].

Несмотря на различную степень вовлеченности в политические процессы, оба профессора не только не смогли обойти вниманием события 1905–1907 гг., но и сочли гражданским долгом донести своё видение революции, её возможных последствий и мер по их предупреждению до общественности. Именно наличие опубликованных научных и научно-публицистических трудов, а также текстов учебных и публичных лекций, позволяющих реконструировать отношение к революционному процессу, определило выбор персонажей данного исследования.

Характеристика представлений И.В. Михайловского и И.А. Малиновского о российской революции, с одной стороны, позволяет привнести антропологическое измерение в исследование общественного мнения, отразив особенности индивидуального восприятия конкретных людей, эмоциональную окрашенность их идей и чувствований. При этом подчеркнутое стремление профессоров избегать политической ангажированности в научных трудах и лекциях придает особый интерес их версиям интерпретации сущности и возможных последствий революции в России. Вместе с тем исследования такого рода способствуют созданию предпосылок для выхода на определенный уровень обобщений с фиксацией, по крайней мере на уровне гипотезы, дополнительных параметров коллективной идентичности юридической интеллектуальной элиты, актуализовавшихся под влиянием конкретных социально-политических обстоятельств России начала XX в. Следует учесть и то обстоятельство, что, имея доступ к таким каналам массовой коммуникации, как периодическая печать (И.А. Малиновский в 1905–1910 гг. совместно с профессором М.Н. Соболевым редактировал одну из наиболее читаемых в крае газету «Сибирская жизнь», публикации которой перепечатавали многие повременные издания, его статьи были опубликованы в журналах «Вестник Европы», «Сибирские вопросы», «Известия Императорского русского географического общества», «Журнал Министерства народного просвещения»; работы И.В. Михайловского публиковались на страницах журналов «Право», «Новое время», «Исторический вестник», «Журнала Министерства юстиции» и др.), выступления в учебных аудиториях и на публичных собраниях общественных организаций, профессора могли транслировать свои представления о социально значимых процессах населению и тем самым оказывать определенное влияние на умонастроения общественности. Перечисленные об-

стоятельства определяют значимость реконструкции восприятия интеллектуалами революционных событий для понимания полифоничности массового сознания и расширения представлений об общественных настроениях и социальных ожиданиях томичей в начале XX в.

Трактовка и оценка революционных событий 1905–1907 гг. профессорами-правоведами была выдержана в единой тональности. Господство грубой силы, произвола, дикости, невиданная «вакханалия зверя в человеке» – такие характеристики использовал для их описания И.В. Михайловский, усматривая в этом настоящую трагедию для России [11. С. 4]. Как ярко выраженное проявление иррационального начала расценивал действия революционеров И.А. Малиновский. По его глубокому убеждению, борьба против произвола и гнета власти не могла служить оправданием для использования революционных методов: «Никакими доводами разума нельзя оправдать применения насилия теми, которые ведут борьбу против насилия. Нельзя принципиально отрицать насилие и в то же время сознательно прибегать к насилию, пользоваться им как средством для достижения заранее поставленной разумной цели» [12. С. 22].

Специфика позиции интеллектуалов заключалась в том, что их негативное отношение к революции определялось не только отторжением на эмоциональном уровне по этическим соображениям, но и имело в своей основе логически стройную, тщательно выверенную интерпретационную модель общественного развития. В своих научных трудах, а также в учебных аудиториях Томского университета И.В. Михайловский последовательно и методично излагал аргументы в пользу тезиса о возможности прогресса только и исключительно на принципах эволюционизма и социального компромисса. Своеобразным критерием истины для профессора в данном случае являлись ключевые положения гегелевской диалектики. Обращаясь к сформулированным Гегелем общим законам мирового процесса, И.В. Михайловский логически выводил из них концепцию общественного развития как движения поступательного и преемственного. Квинт-эссенцией этой концепции можно считать лапидарную формулировку, которую он предложил студентам юридического факультета в одной из своих вступительных лекций: «Настоящее есть результат прошедшего и основа для будущего» [6. С. 25].

Философию Гегеля И.В. Михайловский считал «вершиной европейской мысли» [13. С. 190]. Однако, в отличие от своего учителя Б.Н. Чичерина, для которого гегелевская диалектическая схема являлась бесспорной и абсолютной, профессор Томского университета счел возможным подвергнуть её сомнению. Поводом для этого стало наметившееся на рубеже XIX–XX вв. усиление влияния релятивизма в связи с философским осмыслением революции в физике и глубокими переменами в представлениях о социальной сущности современного мира. Критический анализ основных положений историко-генетического направления, заключавшихся в отрицании относительной устойчивости вещей и явлений, отказе от абсолютных истин, в подчеркивании постоянного, бес-

конечного изменения, движения, эволюции действительности, позволил И.В. Михайловскому сделать умозаключение о чрезвычайной опасности тотального господства этого направления и признания его самодостаточным в интерпретации социальных явлений. В основе этой позиции лежало не только вполне естественное для ученого неприятие агностицизма, путаницы понятий, порожденной преклонением перед принципом относительности, но и осознание возможности распространения принципа релятивизма на область нравственных отношений, появления этического релятивизма, оправдывающего духовный и практический анархизм, моральную беспринципность, произвол, разгул низших страстей, слепую веру в грубую силу. Признавая существование в мире массы неподдающегося логике, случайного, неразумного (в том числе так ярко проявившегося, по его мнению, в российской революции), не укладывающегося в строгую диалектическую схему Гегеля, И.В. Михайловский счел необходимым внесение в неё некоторых корректив. Суть их заключалась в констатации разумности мирового процесса в общем ходе развития и конечных целях, но не в частностях. «Культура есть постоянный прогресс, – писал профессор, – но этот прогресс сплошь и рядом прерывается; он движется не по прямой линии, а по линии чрезвычайно извилистой во всех направлениях» [14. С. 368].

Таким образом, в своем стремлении к научному обоснованию закономерностей общественного развития И.В. Михайловский не ограничивался ролью эпигона великих предшественников. Сформулированные им идеи подтверждали гибкость и критичность мышления интеллектуала, его способность выходить на качественно новый уровень осмысления проблем. Выражая убежденность в правильности основных положений, излагаемых в фундаментальном труде «Очерки философии права», он подчеркивал: «...эти положения явились результатом напряженной и весьма продолжительной работы мысли, руководимой только одним девизом: любовью к истине и стремлением искать ее, отрешившись от каких бы то ни было посторонних влияний» [13. Предисловие]. Размышления над перспективами исторического развития позволили Иосифу Викентьевичу сделать весьма оптимистичный вывод: «...в мировой эволюции возможны моменты регресса, моменты застоя, преобладания зла, но несмотря на все эти диссонансы, общий аккорд звучит в мажоре, а не в миноре, он имеет характер светлый, а не мрачный, мир стремится к царству света, а не тьмы» [8. С. 8]. При этом его глубокая убежденность в закономерности и неизбежности торжества «царства света», основанная на неогегельянской трактовке закона развития, была сопряжена с признанием необходимости активных действий общества и государства, которые не могут ограничиваться ролью пассивных созерцателей социальной борьбы, ставшей в России столь обыденным явлением. Видя задачу в том, чтобы умерить эту борьбу и привести враждующие силы к согласию, особые надежды профессор возлагал на торжество разума: «...развитие человечества определяется развитием разумных целей; борьба же (и притом борьба преимущественно духовным

оружием) – только средство» [15. С. 36–37]. В такой парадигме мышления, естественно, не было и не могло быть места положительной оценке революции с имманентно присущим ей насилием.

Категорическое неприятие революционных методов борьбы было характерно и для И.А. Малиновского. Однако, разделяя убежденность коллеги в необходимости следовать принципам поступательного общественного развития, Иоанникий Алексеевич выстроил иную логическую цепь умозаключений. В качестве основного аргумента он использовал тезис о противоправном характере насильственных средств в политической борьбе и их принципиальной несовместимости с признанием самоценности человеческой личности и её жизни. «Неприкосновенность личности, и прежде всего неприкосновенность жизни человеческой, – первое и важнейшее право человека и гражданина, – подчеркивал И.А. Малиновский. – А потому заповедь “не убей” является первой и важнейшей нормой, определяющей отношения общежития, а ее нарушение – наиболее тяжким преступлением» [16. Ч. III. С. 132–133]. В логике И.А. Малиновского ставка на насильственные средства в решении социальных и политических проблем представляла как убедительное свидетельство внутренней противоречивости революционной доктрины: «Ненависть к прошлому и пользование теми способами действий, какие практиковались в варварские эпохи прошлого. Отрицание насилия и признание его, возвеличение, почти обожествление человеческой личности и крайнее её унижение, ибо кто отнимает у человека бесценный дар жизни, тот так унижает личность человека, как только в силах человеческих унижить её» [12. С. 20].

В поисках объяснения этих парадоксов профессор в монографии «Кровавая месть и смертные казни» обратился к анализу революционной литературы и фактов террористической деятельности и пришел к выводу, что совмещение протеста против насилия с применением насилия обусловлено психологической вынужденностью. Последняя, по его мнению, была порождена существующим порядком, который, с одной стороны, противоречит представлениям революционера о справедливости, интересах и правах народа, а с другой – создает непреодолимые препятствия для мирной деятельности по пропаганде революционных идей. Месть обществу, создавшему порядки, при которых невыносимо жить, считал И.А. Малиновский и основным психологическим мотивом непосредственных участников черносотенных погромов октября 1905 г., поставившихся невежественной народной массой [16. С. 28–29, 44, 48–49, 62].

В целом И.А. Малиновский довольно остро ставил вопрос об ответственности государственной власти за «эпидемию кровопролития» в стране. Более того, он выражал убежденность в том, что вина правительства, применяющего смертную казнь, широко использующего не гарантирующую правильного судопроизводства практику вынесения приговоров военными и военно-полевыми судами, поощряющего действия карательных отрядов, многократно превосходит вину террористов [Там же. Ч. III. С. 80, 82, 84, 92, 96, 122–123]. Использование смертной казни

воспринималось специалистом по истории права как забвение самой идеи права, как проявление животного инстинкта, опирающегося на грубую силу и соответствующего правосознанию дикаря.

Таким образом, при явном единодушии в неприятии насилия и конфронтационного настроения фанатиков различных партий интеллектуалы демонстрировали оригинальность экспертных подходов в обосновании своей позиции. При этом ярко проявилась специфика их научных интересов: если И.В. Михайловский зарекомендовал себя как серьезный исследователь в области философии и общей теории права, то сфера научных интересов И.А. Малиновского была связана с историей русского права.

Однако специализация в исследовательской деятельности не исключала общего для правоведов видения губительных последствий революции в России и продиктованного этим стремления предупредить подобного рода эксцессы. В охватившей Россию волне революционных потрясений И.В. Михайловский видел угрозу полной атрофии чувства законности в населении, отказа от высших духовных начал, вечных идей истины, добра, красоты, превращения этих идей в «средства для достижения преходящих мимолетных целей того или иного момента политической борьбы» [11. С. 4, 17]. На негативное этическое и моральное воздействие практики насильственных методов обращал внимание и И.А. Малиновский, предрекавший в случае ее продолжения гибель нравственного чувства, высокие альтруистических порывов в человеке [16. С. 126; 17. С. 97].

В стремлении предотвратить столь трагичный для Отечества исход, покончить с конфронтацией различных политических сил проявилась толерантность интеллектуалов. Пафосом примиряющего сознания и вместе с тем элементарным здравым смыслом были исполнены слова И.А. Малиновского: «Не может всё население мыслить одинаково. Различные направления и различные оттенки мысли по вопросам политическим и социальным неизбежны... В культурном государстве каждому гражданину должна быть предоставлена свобода мысли и слова» [16. С. 135]. Считая невозможным воспрепятствовать зарождению, развитию и распространению тех или иных идей, И.А. Малиновский предлагал обеспечить им право гражданства, а их носителям – свободу придерживаться своих убеждений, пропагандировать в обществе путем устного и печатного слова. Лишь для призывов к насильственным действиям как преступных и недопустимых предусматривалось исключение в этом отношении.

Установление начал гражданской и политической свободы, обеспечение прочного правопорядка И.А. Малиновский считал важнейшим средством прекращения кровопролитий во всех их проявлениях (аграрные волнения, революционный террор, черносотенные погромы, смертные казни и т.п.), поскольку соответствующие реформы социального и политического строя создавали возможности для мирной культурной работы и всестороннего гармоничного развития личности [Там же. С. 133–134, 136–137]. В такой альтернативе революции нашло отражение понимание профессором сути проблемы «воскресения России», которую она рас-

смаатривал в двух аспектах: политико-социальном («...воскресение наступит тогда, когда будут проведены реформы политического и социального строя») и этическом («...воскресение наступит тогда, когда высокое и прекрасное человеческой природы восторжествует над низким и пошлым») [18. С. 19–20].

Миссию интеллигенции И.А. Малиновский видел в подготовке сограждан к новому государственному и общественному строю посредством просвещения и разъяснения им «природы окружающей действительности» [19. С. 6–7, 34–35]. Думается, что под словами коллеги о необходимости «социального воспитания», предполагавшего «разнообразное и разностороннее воздействие на природу человека в целях укрепления идей человеческой солидарности, высокой ценности человеческой личности, святости и неприкосновенности человеческой жизни» [16. С. 145], вполне мог подписаться и И.В. Михайловский. Едва ли не в тех же самых формулировках было выражено его представление об общественном предназначении русской интеллигенции, суть которого сводилась к созданию атмосферы высокой культуры, способствующей осознанию собственного достоинства, уважению к личности, установившимся культурным формам общежития, учреждениям и традициям, порождающей социальную стабильность [6. С. 2–4].

Особенностью предлагавшейся правоведами-интеллектуалами концепции «социального воспитания» был акцент на развитие правового сознания [20]. Характерный для россиян крайний радикализм они объясняли «правовой дряблостью» соотечественников, а потому задачей первостепенной важности считали формирование чувства законности и уважения к праву. Естественно, что ключевая роль в решении этой задачи отводилась юристам как носителям профессионального знания и людям, для которых защита права является не только долгом службы, но и нравственным императивом. В среде юридической интеллигентной элиты едва ли нашлись бы лица, имевшие принципиальные возражения против такой постановки вопроса.

Весьма определенно высказался по этому поводу, например, профессор кафедры полицейского права Томского университета Н.Я. Новомбергский. Признавая, что партийная «обработка» населения, как и насаждение полицейского национализма, дает прискорбные всходы, если сталкивается с «людской пылью», безликой массой, Николай Яковлевич выражал уверенность в том, что разумного и твердого противодействия им можно ожидать лишь со стороны граждан, осознавших великое прошлое Отечества и великие задачи, еще предстоящие ему во всемирной истории. В этом смысле правильная организация преподавания истории русского права на юридических факультетах российских университетов, по его мнению, являлась важнейшим и необходимым условием «сооружения кафедрального храма русского национального сознания» [21. С. 9].

В целом очевидно, что при наличии некоторых нюансов в формулировках и аргументации И.А. Малиновский и И.В. Михайловский были единодушны как в неприятии революции, так и в представлениях о возможных мерах по её предотвращению. И именно их принадлежность к юридической интеллектуальной элите, по-видимому, являлась одной из основных причин такой позиции. Уважительное отношение представителей этого сообщества к праву и к историческим традициям Отечества находило своё логическое воплощение в приверженности принципу легитимности во всех сферах деятельности и, соответственно, в безоговорочном отторжении революционных методов общественного переустройства. Такое умозаключение находит подтверждение и при обращении к интеллектуальному наследию работавших в Москве и Петербурге (Петрограде) теоретиков в области права (таких как Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев, В.М. Гессен, Л.И. Петражицкий и др.), характеристика концепций которых представлена в многочисленных исследованиях историков, философов и правоведов.

Признавая некорректность экстраполяции выводов, полученных в результате анализа творчества ограниченной группы лиц, на всю общность, представителями которой они являлись, можно, тем не менее, на уровне гипотезы высказать следующее предположение. Сама специфика сферы научных интересов и предмета интеллектуальной рефлексии отечественных правоведов способствовала формированию системы мировоззренческих координат, в которой важнейшим инструментом социального регулирования и средством общественного переустройства без применения насилия предстало право. Это обстоятельство позволяет, в свою очередь, считать отрицательное отношение к социальной революции одним из значимых маркеров коллективной идентичности юридической интеллектуальной элиты, актуализация которого в России начала XX в. стала своеобразным ответом на вызовы революционной эпохи.

Предложенная учеными-правоведами Томского университета концептуальная модель общественного переустройства Отечества являлась результатом напряженной мыслительной деятельности профессионалов, обладавших солидным багажом экспертных знаний в области истории и философии права. Безусловно, их трактовку революции в России следует воспринимать как одну из возможных интерпретационных версий, абсолютизировать которую нет смысла. Однако присущая ей внутренняя логика, наличие развернутой и довольно убедительной аргументации, по-видимому, не могли не импонировать определенным кругам общественности. Созвучие же основных идей, заложенных в концепциях И.В. Михайловского и И.А. Малиновского, умонастроениям и социальным ожиданиям части населения, позволяет расценивать их как компонент общественного сознания, без учета которого невозможна полноценная комплексная реконструкция социокультурного контекста российской революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева И.Г. Юридическая интеллектуальная элита Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.: проблемы идентификации // Вопросы истории Сибири. 2015. Вып. 12. С. 3–9.

2. Кузьмин А.В. Правовое учение И.В. Михайловского: эйдологическое направление российской философии права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 20 с.
3. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Томский период деятельности профессора русского права И.А. Малиновского // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 21–26.
4. Чукмасова К.А., Некрылов С.А. Проблемы уголовного наказания в научных и публицистических работах И.А. Малиновского // Наука. Технологии. Инновации : материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 100–104.
5. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 1996. 288 с.
6. Михайловский И.В. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. 27 с.
7. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Неудобный властям профессор: как увольняли И.А. Малиновского из Императорского Томского университета // Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції «Малиновські читання». Острог, 2012. С. 6–29.
8. Сибирская жизнь. Томск, 1917.
9. Харусь О.А. Малиновский Иоанникий Алексеевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. М. : РОССПЭН, 2010. С. 557–559.
10. Харусь О.А. Михайловский Иосиф Викентьевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. М. : РОССПЭН, 2010. С. 590–591.
11. Михайловский И.В. Университет и наука. Вступительная лекция в курсе философии права, читанная 18 сентября 1907 г. студентам I курса юридического факультета. Томск, 1908. 18 с.
12. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1908. Вып. I. 204 с.
13. Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. 625 с.
14. Михайловский И.В. Рецензия на учебник философии права Иосифа Колера (Берлин, 1909). Б.м., б.д. 20 с. (оттиск).
15. Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство // Образование. 1904. № 7. 15 с. (оттиск).
16. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1909а. Вып. II. 149 с.
17. Малиновский И.А. Русские писатели-художники о смертной казни. Томск, 1910. 100 с.
18. Малиновский И.А. Общественное значение литературной деятельности Гоголя. Речь, произнесенная в торжественном заседании Императорского Томского университета 20 марта 1909 г. Томск, 1909б. 20 с.
19. Малиновский И.А. Начальная страница из истории русской интеллигенции. (Ответ авторам «Вех»). Томск, 1909в. 35 с.
20. Харусь О.А. Специфика либерального подхода к проблеме формирования общественного правосознания в России начала XX века // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. Томск, 2003. С. 23–34.
21. Новомбергский Н.Я. Кафедра истории русского права в российских университетах. Пг., 1915. 9 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 сентября 2017 г.

THE LEGAL ELITE OF TOMSK IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY: *CONTRA* THE REVOLUTION (BASED ON THEORETICAL WRITINGS BY I.A. MALINOVSKIY AND I.V. MIKHAILOVSKIY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 168–174.

DOI: 10.17223/15617793/424/23

Olga A. Kharus, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

Keywords: intellectual elite; specialists in law; collective identity; revolution; reforms; public consciousness.

The article attempts to present some ideas expressed by the Tomsk University professors of law I.V. Mikhailovskiy and I.A. Malinovskiy with regard to the revolution, thus bringing an anthropological dimension to the reconstruction of the socio-cultural context of the era at its turning point. The use of their scientific and journalistic works, published texts of their lectures and reports as sources allowed to demonstrate the way of their thinking and feeling. Through such means of mass communications as periodicals, university lectures and public speeches, the intellectuals could influence the mindset of the public. In this respect, the study of their interpretations of revolutionary events is of interest as part of an integrated research into social expectations and moods of Tomsk residents in the early twentieth century. The analysis of these intellectuals' published works showed their unanimity in the rejection of violence and political confrontation. Justifying their negative attitudes to the revolution, the two used argumentation as experts in an original way. I.V. Mikhailovskiy, a specialist in philosophy and general theory of law, defended the principles of evolutionism and social compromise drawing on key theses of Hegelian dialectics and neo-Hegelianism. I.A. Malinovskiy, whose research interests dealt with the history of Russian law, emphasised the unlawful nature of violent means in the political struggle. They both were of an opinion that it was necessary to prevent the revolution because of its possible catastrophic consequences. Drawing attention to the negative ethical and moral effects of using violence, the professors proposed reforms of the social and political system along with the intelligentsia's educational activities targeted at the general public as preventative measures. Characteristic of their concept of 'social education' was an emphasis on the development of legal consciousness, cultivation of the sense of legitimacy, and respect for law. The research interests and the very subject of Russian legal specialists' intellectual reflection contributed to the formation of a worldview whereby law was to be a crucial means of social regulation. This allows to hypothesise that the negative attitude to the social revolution in Russia in the early twentieth century constituted one of the significant markers of the legal elite's collective identity. The model of the state's social reorganisation proposed by them resonated with certain circles of the public and thus can be considered as one of the elements of public consciousness; without taking this element into account, one cannot arrive at a comprehensive reconstruction of the socio-cultural context of the Russian revolution.

REFERENCES

1. Adon'eva, I.G. (2015) Law intellectual elite of the Russian Empire of the *second half* of the XIX — the beginning of the XX centuries: problems of identification. *Voprosy istorii Sibiri*. 12. pp. 3–9. (In Russian).
2. Kuz'min, A.V. (1998) *Pravovoe uchenie I.V. Mikhaylovskogo: eydologicheskoe napravlenie rossiysskoy filosofii prava* [The legal doctrine of I.V. Mikhailovsky: the eidological direction of Russian philosophy of law]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
3. Fominykh, S.F. & Nekrylov, S.A. (2012) Tomsk period of Russian law professor I.A. Malinowski. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (20). pp. 21–26. (In Russian).
4. Chukmasova, K.A. & Nekrylov, S.A. (2013) [Problems of criminal punishment in research and journalistic works of Malinovskiy]. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii* [Science. Technologies. Innovations]. Proceedings of the all-Russian conference. Novosibirsk: NSTU. pp. 100–104. (In Russian).
5. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical dictionary]. Vol. I: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.

6. Mikhaylovskiy, I.V. (1910) *Kul'turnaya missiya yuristov. Pravovye prelyudii k gryadushchey kul'ture* [Cultural mission of lawyers. Legal preludes for the coming culture]. Tomsk: [s.n.].
7. Fominykh, S.F. & Nekrylov, S.A. (2012) [The professor disagreeable to the authorities: how I.A. Malinovskiy was fired from the Imperial Tomsk University]. *Malinovsk'i chitannya* [Malinovskiy readings]. Proceedings of the first international conference. Ostrog. pp. 6–29. (In Russian).
8. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
9. Kharus', O.A. (2010) Malinovskiy Ioannikiy Alekseevich. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka* [Russian liberalism of the middle of the 18th – the beginning of the 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN.
10. Kharus', O.A. (2010) Mikhaylovskiy Iosif Vikent'evich. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka* [Russian liberalism of the middle of the 18th – the beginning of the 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN.
11. Mikhaylovskiy, I.V. (1908) *Universitet i nauka. Vstupitel'naya leksiya v kurse filosofii prava, chitannaya 18 sentyabrya 1907 g. studentam I kursa yuridicheskogo fakul'teta* [University and science. Introductory lecture in the course of the philosophy of law, read on September 18, 1907, to the first-year students of the Faculty of Law]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
12. Malinovskiy, I.A. (1908) *Krovavaya mest' i smertnye kazni* [Bloody revenge and death penalties]. Vol. 1. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
13. Mikhaylovskiy, I.V. (1914) *Ocherki filosofii prava* [Essays on the philosophy of law]. Vol. 1. Tomsk: Izdanie knizhnogo magazina V.M. Posokhina.
14. Mikhaylovskiy, I.V. (n.d.) *Retsenziya na uchebnik filosofii prava Iosifa Kolera (Berlin, 1909)* [A review of the textbook of the philosophy of law by Joseph Kohler (Berlin, 1909)]. [s.l.]. (a copy print).
15. Mikhaylovskiy, I.V. (1904) Vozzreniya B.N. Chicherina na pravo i gosudarstvo [B.N. Chicherin's views on the law and the state]. *Obrazovanie*. 7. 15 pp. (a copy print).
16. Malinovskiy, I.A. (1909a) *Krovavaya mest' i smertnye kazni* [Bloody revenge and death penalties]. Vol. 2. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
17. Malinovskiy, I.A. (1910) *Russkie pisateli-khudozhniki o smertnoy kazni* [Russian writers-artists about the death penalty]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
18. Malinovskiy, I.A. (1909) *Obshchestvennoe znachenie literaturnoy deyatel'nosti Gogolya. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom zasedanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta 20 marta 1909 g.* [The social significance of Gogol's literary activities. Speech delivered at a solemn meeting of the Imperial Tomsk University on March 20, 1909]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
19. Malinovskiy, I.A. (1909) *Nachal'naya stranitsa iz istorii russkoy intelligentsii. (Otvet avtoram "Vekh")* [Introductory page from the history of the Russian intelligentsia. (Reply to the authors of "Milestones")]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela.
20. Kharus', O.A. (2003) Spetsifika liberal'nogo podkhoda k probleme formirovaniya obshchestvennogo pravosoznaniya v Rossii nachala XX veka [Specificity of the liberal approach to the problem of the formation of public sense of justice in Russia at the beginning of the twentieth century]. In: Zheravina, A.N. et al. (eds) *Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya Rossii XIII–XX vv.* [Problems of History, Historiography and Source Studies of Russia in the 13th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Novombergskiy, N.Ya. (1915) *Kafedra istorii russkogo prava v rossiyskikh universitetakh* [Department of the History of Russian Law in Russian Universities]. Petrograd: [s.n.].

Received: 22 September 2017